

Таким образом, служебные части речи обладают специфическими фонетическими особенностями, что позволяет говорить о служебных словах как особой орфоэпической подсистеме русского литературного языка наряду с подсистемами терминов, топонимов, эмоциональной лексики (междометий и под.), заимствованных слов, звукоподражаний и аббревиатур.

Литература

1. Аванесов, Р. И. Русское литературное произношение: учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература» / Р. И. Аванесов. – 6-е изд., перераб. и доп.. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
2. Гловинская, М. Я. Об одной фонологической подсистеме современного русского литературного языка / М. Я. Гловинская // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы / под ред. С. С. Высотского [и др.]. – М.: Наука, 1971. – С. 54–96.
3. Каленчук, М. Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Каленчук. – М., 1993. – 417 с.

Евгения Басовская

*Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Россия)*

МЕЖДУ ПАФОСОМ И ИРОНИЕЙ: ВЫСОКОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Сложное взаимодействие двух стихий – патетической и иронической – свойственно публицистическому стилю в целом. Это определяется такими его качествами, как эмоциональная насыщенность, открытость авторской позиции, прямая и резкая оценочность. Но именно в русском языке конца XX – начала XXI в. отношения между пафосом и иронией обрели особый драматизм и породили новые лингвостилистические тенденции.

В 1990-х гг. исследователи неоднократно отмечали повышение значимости иронии и юмора в текстах СМИ как важных форм преодоления советского «новояза». Так, В. Костомаров подчеркивал, что языковой вкус эпохи характеризуется «общей “боязнью громких слов” и торжествующей... установкой на стилистическую сниженность», «высокие эмоции, десятилетиями культивировавшиеся» в отдельных словах, «уже к середине эпохи перестройки обросли уничижительными

окрасками», а в речи значительной части носителей языка «всеохватное стремление к обновлению» обернулось таким явлением, как «смех ради смеха» [3, с. 53, 9, 38].

На иронию как средство освобождения от советского официального языка указали и авторы обобщающего труда «Русский язык конца XX столетия»: «...Новояз не сразу сходит со сцены... Рефлексы новояза... не сходят со страниц газет, с экранов телевизора... Редкий разговор обходится без иронических отзвуков новояза... Пародирование, вышучивание, травестирование официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий... одно из самых частых средств выразительности в современной публицистике» [7, с. 22].

С течением времени комическое обыгрывание советских речевых клише в значительной степени утратило актуальность, но сам прием развенчания ложного пафоса через пародийное стилистическое снижение остался в числе активно используемых авторами медийных текстов. С уходом на второй план очевидных советизмов как объектов иронического переосмысления их место заняли языковые единицы, и прежде бывшие носителями мощного патетического заряда, – слова и конструкции высокого стиля.

В данной статье рассматривается функционирование одного из слов с высокой стилистической окраской – существительного *единение* – в современном русском медиатексте. *Единение* («тесная связь, приводящая к единству, сплоченности») зафиксировано некоторыми современными толковыми словарями с пометой *высок*. [5, с. 182; 6, с. 443], что позволяет отнести его к лексике высокого стиля. В статье сопоставляются случаи использования данной лексики как патетизма – средства создания торжественной тональности («приподнятости, возвышенности речи», по В. Голуб [1, с. 3]) – и как объекта иронического снижения и порождения комического эффекта.

В качестве источников рассматривались три современных российских печатных издания различной идеологической направленности: прогосударственная «Российская газета», просоветско-националистическая газета «Завтра» и праволиберальная «Новая газета». Гипотезой исследования является предположение о том, что существует корреляция между идеологией редакции и основным вектором стилистического движения высокой лексики в медиатексте. Естественно ожидать от стилистически сдержанной «Российской газеты» применения высокого слова прежде всего как тематического маркера отдельных сфер жизни (в частности, церковной и дипломатической), а от остро публицистических

и стилистически ярких «Завтра» и «Новой газеты» – эксплуатации высокого слова как носителя экспрессии. При этом можно предсказать появление в «Новой газете» контекстов, в которых высокое слово не просто подвергается ироническому снижению, но превращается в средство осмеяния оппонента, в свою очередь употребляющего его без семантико-стилистических трансформаций.

В «Российской газете» за три месяца 2016 г. выявлено 18 вхождений существительного *единение*. Определенная соотношенность с конкретными тематическими полями действительно обнаруживается: шесть контекстов имеют отношение к религии и церкви (*единение человека с Богом, единение верующих во время Крестного хода, единение православного мира, христианское примирение и единение*), пять – к живой природе (*единение природы и человека, единение растений и животных, единение красоты музыки, природы и моря, душа хочет единения с природой*).

Интересно, что слово *единение* встречается чаще в цитатах, чем в авторской журналистской речи: его произносят чиновники, политики и деятели церкви, говоря о важных событиях, таких как религиозные праздники и фестивали искусств. Обращает на себя внимание стабильно положительная оценочность перечисленных словосочетаний, поддерживаемая использованием в микроконтексте позитивизмов (*благодарность, нравственность, красота, любовь* и др.).

Примеры включения слова *единение* в иронический контекст немногочисленны – два вхождения за три месяца. В первом случае журналист саркастически преподносит политическую новость: «Картину общего *единения* на антироссийской основе на саммите НАТО в Варшаве 8–9 июля нарушил премьер Греции Алексис Ципрас. Он призвал членов альянса прекратить противостояние с Москвой, вызвав тем самым недовольную реакцию президента Барака Обамы и *чуть было не испортил ужин* всем остальным» (РГ; 12.07.2016. Выделено мною. – Е. Б.). Здесь ирония представляет собой, по терминологии О. Ермаковой, «мистификацию солидарности с позицией другого лица» [2, с. 32]. Представление об чуть было не испорченном ужине соответствует точке зрения участников мероприятия. Соответственно и единение членов блока существует, по мысли журналиста «Российской газеты», исключительно в их воображении. Слово *единение* приобретает, как всегда происходит в случае иронизации, противоположный смысл. Истинный пафос текста заключается в решительном отрицании самой возможности антироссийской солидарности.

Во втором примере описываемая ситуация не имеет отношения к политике, отсутствует тональность идеологического противостояния и создается эффект, традиционно называемый «мягкой иронией» (следует, безусловно, признать понятийную неточность этого обозначения; тем не менее подобные характеристики не редкость в научной литературе; так, в одной из культурологических работ речь идет даже о «добродушной иронии» [4, с. 85–86]).

Журналист «Российской газеты» так изображает вечер на территории Института биологии внутренних вод РАН в Ярославской области: «На канал мягко опускаются сумерки. На том берегу женщины с серьезными неподвижными лицами удят рыбу. Иногда из кустов невидимый охотник палит из ружья по упитанным уткам. Холодно и тихо. Редкий момент мечтательного *единения* с природой.

– Это ива ломкая самостригущаяся?

– Дихотомически так растут...

– Может быть мутация мужского клона.

Стайка ботаников шепчется вокруг тоненьких, будто прорисованных тушью, деревьев» (РГ; 28.07.2016).

Иронизация происходит здесь с опорой как собственно на текст (научная терминология создает комический стилистический диссонанс с разговорным обозначением группы людей – *стайка*), так и на экстралингвистическую реальность и жизненный опыт читателя: «мечтательное единение с природой» не вполне соответствует картине пальбы по уткам. Но в общем контексте статьи, в которой подчеркиваются научные заслуги сотрудников института, данный фрагмент воспринимается как проявление не насмешливого отношения к героям очерка, а, скорее, умиления их естественностью и простотой. Единение с природой в итоге оказывается истинным.

В «Новой газете» в рассмотренный период существительное *единение* использовалось несколько реже, чем в «Российской газете», – выявлено 10 вхождений. Количественно преобладает применение слова в качестве позитивного патетизма: речь идет о *единении поэта с читателем*, *единении Украины* во время крестного хода, чувстве *национального единения* и о *единении людей* в обществе в целом. О необходимости такого процесса в «Новой газете» тоже преимущественно говорят не сами журналисты, а интервьюируемые ими религиозные и политические деятели и другие известные лица (Далай-лама, президент Турции Р. Эрдоган, фехтовальщица И. Мишурова и другие).

Функционирование слова *единение* как лексического показателя чужой речи и, соответственно, чужого мировоззрения становится особенно заметно в материалах, посвященных одному из высказываний нового министра образования и науки РФ О. Васильевой. Газета сначала публикует подборку цитат, среди которых есть и такая: «Сталин при всех недостатках – государственное благо, потому что накануне войны занялся *единением* нации, возродил героев дореволюционной России и занялся пропагандой русского языка и литературы, что по большому счету и позволило выиграть войну» (НГ; 19.08.2016). Затем появляется информация о том, что «еврейская община России попросила министра образования разъяснить позицию по сталинизму», причем приведенная выше цитата полностью воспроизводится (НГ; 22.08.2016).

После этого тот же фрагмент текста еще несколько раз повторяется в читательских комментариях на сайте газеты. Один из них касается именно слова *единение*: «Если госпожа Васильева имеет в виду под “*единением* нации” массовые расстрелы 1936–37–38 годов и отправку в лагеря миллионов людей, то вынужден ее разочаровать, эффект был противоположный... После кровавой мясорубки которую регулярно крутил “отец народов”, даже оккупанты казались лучше Сталина... Оч-ч-чень уж спорное “*единение*” провел “лучший друг советских физкультурников”». Автор комментария использует традиционные средства иронии: графический – заключение в кавычки, лексический – номинацию, представляющую собой узнаваемый и при этом подчеркнuto абсурдный вне культурно-исторического контекста штамп из фразеологии советского новояза, дискурсивные – пародийную имитацию этикетных формул (*госпожа Васильева, вынужден ее разочаровать*).

Иронически обыгрывается слово *единение* и в отклике «Новой газеты» на церемонию «ТЭФИ»: «...Корпоративное *единение*, а также полное удовлетворение своей деятельностью и продемонстрировали участники церемонии, беспрестанно благодаря мудрое руководство своих каналов и всю дружную телевизионную семейку, где даже непримиримые конкуренты становятся единым целым под сенью останкинской иглы» (НГ; 01.07.2016). Ироническое звучание данного фрагмента обеспечивается стиливым несоответствием устаревшего выражения *под сенью* и неологизма *корпоративный*, книжных слов *единение*, *беспрестанно* и разговорного *семейка*, отсылкой к советской официальной риторике (*полное удовлетворение, мудрое руководство*). Здесь, как и в предыдущем примере, существительное *единение* служит маркером архаичной речевой культуры и стоящего за ней просоветского менталитета.

Количество первичных вхождений (без учета самоцитирования) слова *единение* в тексты газеты «Завтра» точно соответствует показателям «Российской газеты» – 18. Но с учетом разницы в периодичности («Российская газета» – ежедневная, «Завтра» – еженедельная) можно говорить о более частом употреблении данного существительного в издании ультрапатриотической направленности. В отличие от журналистов двух других анализируемых изданий публицисты «Завтра» применяют слово *единение* преимущественно не при цитировании, а в авторской речи, осмысливая его не как термин из чужого словаря, а как точное обозначение одной из главных нравственных ценностей: «ДУХОВНОСТЬ КАК ИДЕОЛОГИЯ... ДУХОВНОСТЬ – КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СКРЕПА ДЕРЖАВНОСТИ, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ОБЩИННО-КОЛЛЕКТИВИСТСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО-ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО **ЕДИНЕНИЯ** “РАЗУМНОГО, ДОБРОГО, ВЕЧНОГО”...» (З; 01.08.2016. Прописные буквы использованы в тексте газеты. – Е. Б. Эти слова впервые напечатаны газетой «Завтра» 15.12.2015 и затем многократно повторены в различных авторских материалах и читательских комментариях).

В газете «Завтра» преобладает использование слова *единение* в публикациях, тематически связанных с религией и церковью. Упоминаются *православное единение, роль РПЦ в единении традиционной патриотической части народа, ценность православного пения в интересах единения русского народа, единение с Богом*. Кроме того, говорится о межнациональном и внутринациональном, социальном единении и о единении человека с природой.

Авторы текстов «Завтра» более активно, чем публицисты «Российской» и «Новой» газет, подкрепляют стилистическую выразительность существительного *единение* соответствующим словесным окружением. Такие слова и конструкции, как *блаженство, козни, космически-несказанный, отчуждение, радение, самопожертвование, великая русская цивилизация, древо познания*, создают, по выражению А. Смерчко, «общую повышенную настроенность контекста» [8, с. 6–7].

Есть в газете «Завтра» и примеры несогласия автора публикации с концепцией единения, предложенной оппонентом. Однако механизм семантико-стилистической трансформации оказывается иным, нежели в «Новой газете». Так, журналист отмечает: «На общественных мероприятиях звучат призывы о **единении** граждан России, а запущенная «адская машина» отчуждения продолжает свою разрушительную работу» (З; 07.08.2016). Здесь опровергается не сама идея единения, а право официальных политиков призывать к нему.

Также отрицаются авторами материалов «Завтра» возможность единения православной и католической церковей и *надуманное единение царя с народом* перед революцией 1917 г. Но и в этих случаях публицист не иронизирует, а выбирает для полемики высокий стиль, которому термин *единение* идеально соответствует: «А поскольку РПЦ за 1000 лет не прибавила ничего нового (все добавляли т. н. “христиане Запада”), то что же, мы должны в интересах “единения” уступать Истину?» (3; 14.07.2016).

Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась. Обнаружена взаимосвязь между идеологической позицией издания и тактикой применения в его текстах высокого слова *единение*. Прогосударственная, подчеркивающая свою универсальность и объективность «Российская газета» в целом выдерживает баланс между использованием данного слова как средства патетики и иронии, в том числе мягкой и благожелательной.

Занимающие крайние политические рубежи националистическая просоветская газета «Завтра» и либерально-прозападная «Новая газета» в большей степени ориентированы на поиск экспрессивных языковых ресурсов. В издании «Завтра» энергично эксплуатируются выразительные возможности слова *единение* как единицы высокого стиля. Публицисты создают, в том числе и с его помощью, единый патетический контекст, призванный эмоционально воздействовать на читателя, будоража прежде всего его национальное и религиозное чувство. В «Новой газете» риторические потенции высокого слова тоже задействованы, но параллельно включаются механизмы стилистической трансформации. Ироническое переосмысление слова сопряжено с формированием картины мира, в которой преобладают критический анализ и беспощадный скепсис.

Рассмотренные три издания в совокупности создают на сегодняшнем российском медийном поле концептуальную и стилевую полифонию и обеспечивают читателю возможность выбора. При этом важно обратить внимание на то, что востребованность высокой лексики остается стабильной и не зависит от ценностных установок редакции. Высокое слово далеко не исчерпало своих выразительных возможностей, по-новому интерпретированных современным медиатекстом.

Литература

1. Голуб, В. Я. Высокая лексика в современном русском литературном языке (по соврем. словарям и публицистике 60–70-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Я. Голуб. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1977. – 18 с.

2. Ермакова, О. П. Ирония и проблемы лексической семантики / О. П. Ермакова // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 4. – С. 30–36.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 248 с.
4. Николаева Е. В. Пафос и ирония. Исторические мотивы в культуре повседневности / Е. В. Николаева // Современные стратегии культурологических исследований: труды Института европейских культур. Вып. 2 / отв. ред. Т. А. Филиппова. – М.: РГГУ, 2008. – С. 80–86.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство Мир и образование», 2005. – 896 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2005. – 938 с.
7. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
8. Смерчко, А. К. Глагольные фраземы высокого стиля русского литературного языка второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. К. Смерчко. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1974. – 23 с.

Александр Бушев

*Тверской государственный университет
(Россия)*

МЕДИЙНЫЙ ЯЗЫК НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Предметом рассмотрения в настоящей статье служит русская языковая личность и ее языковые способности в экономической дискурсе в условиях глобализации (преимущественно в зоне контактов русского и английского языков).

Представления о *языковой личности* восходят к трудам Л. Вайсгербера, а в отечественной науке – к концепциям В. Виноградова (образ автора), Г. Богина (языковая личность – и носитель, и словарная языковая личность, и профилиграмма ритора, и опыт понимания и построения текстов), Ю. Караулова (гипотеза о стратификации языковой личности, программа исследований научной школы языковой личности), М. Пановой, А. Ворожбитовой, В. Карасика, И. Стернина, лингвистов-когнитивистов (Л. Гришаева). Речь идет о сопряжении системно-структурных представлений о языке с языковой способностью индивида.

Глоб-англизация – удачная научная метафора вестернизации, американизации, которая стоит за глобализацией (это доказывает статистика изучения новой латыни, которой является сегодня английский язык).